

ТЕНЕВАЯ ИСТОРИЯ ФОНДОВОГО РЫНКА РОССИИ

стр.
76

ЭКСПЕРТ

25 АПРЕЛЯ – 1 МАЯ 2011 № 16 (750)

ISSN 1812-1896

11016

9 771812 189009 >

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЦЕНА — 55 РУБЛЕЙ

WWW.EXPERT.RU

ИНДЕКСЫ: 72550, 47338, 48901, 48902, 44147, 44148

БОЛЬШАЯ ЖРАТВА

Каким будет
мировое
сельское хозяйство —
индустриальным
или органическим?

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДОКЛАД

стр.
17

ВЫСТАВКА АМЕРИКАНСКОГО ИСКУССТВА

стр.
104

ЛЮДИ НОМЕРА

СЕРГЕЙ СУМЛЕННЫЙ

КРИСТИН МЕЙНДЕРТСМА

«Даже домашние животные — это большое загрязнение. Если у вас есть собака, это наносит окружающей среде ущерб, фактически такой же, как если бы вы водили большую машину. А кошка — это машина поменьше. Потому что собаки и кошки не едят овощи, они едят мясо».

28

АЛЕКСЕЙ МАЙШЕВ

ДЭН РАПОПОРТ

«Есть фонды, которые вкладывают только в деривативы, только в валюту, только в валюту азиатских стран. Только в валюту азиатских стран, где есть коммунизм. Только в негритянские страны севернее Сахары или, наоборот, южнее Сахары. Есть инвесторы, которые покупают только Швецию, или только израильские компании, или только те, что начинаются на букву «А». Есть фонды «грехов», они вкладывают только в секс-индустрию, алкоголь, казино, сигареты и оружие».

76

ДЕНИС ПРЯЖАК

АНДРЕЙ СМИРНОВ

«Свою задачу как философ я вижу в решении вопроса о том, как мы можем понимать культуру, к которой сами не принадлежим. Его можно сузить: как мы понимаем философию, созданную другой цивилизацией? Универсальна ли философия или она связана с особым для каждой цивилизации типом мышления? Проблемы возникают уже при переводе текстов».

90

ПРОГНОЗЫ НОМЕРА

EMILIANO MANCISO/CONTRASTO/AGENCY PHOTOGRAPHER RU

Продовольственная безопасность планеты не обеспечивается процессами индустриализации аграрного сектора. Концепция переменялась: все чаще говорится об устойчивом сельском хозяйстве, то есть совмещающем решение проблемы продовольственной безопасности с решением экологических и социальных проблем.

21

ЮРИЙ ТАКУН

Ранее в Индии выращивалось до 10 тыс. сортов риса. Теперь фермерам навязывают селекционные сорта, несколько десятков, а также ГМО-сорта. Есть вероятность, что вредители мутируют, а растения не будут устойчивы к этим патогенам, наступит массовая пандемия и, соответственно, экономически значимый недобор урожая и голод.

48

OLGA SHEREMANOVA PICTURES/AGENCY PHOTOGRAPHER RU

Рост производительности в китайском сельском хозяйстве последние 25 лет значительно опережает рост населения КНР — 3–4% против 0,3% в год. В 2010 году китайцы произвели 546 млн тонн зерна, что на 2,9% больше урожая 2009 года. Такими темпами Китаю не составит труда к 2020 году довести урожай до 580 млн тонн — уровня самообеспечения.

32

Как играть и выигрывать на бирже

D'

Акции. Облигации. Валюты. Бизнес

Заработать 400% за пару недель:
с помощью инновационных торговых стратегий

Какие компании выйдут на биржу через три года...
Прочувствуйте дыхание самых перспективных активов...

МИЛЛИОНЕР И ТУРИСТ с. 68

СЕКРЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ БИРЖЕВОГО СПЕКУЛЯНТА с. 36

СЕРИЗКА, НАБИТЫЕ НА ОПЦИОНАХ с. 48

КОБАСИТЬ НЕ ПО-ДЕТСКИ с. 24

ОГОНЬ АУТОМАТА с. 68

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ с. 84

МУТАЦИЯ ЧЕМПИОНА ПО ТРЕЙДИНГУ с. 45

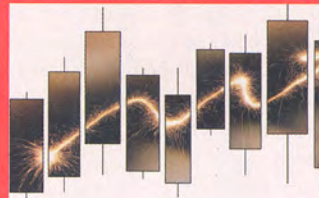
ЧИТАЙТЕ В СВЕЖЕМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА D-ШТРИХ

КУДА ПРИВОДИТ НИЗКИЙ БОЛЕВОЙ ПОРОГ

Победитель конкурса «Лучший частный инвестор-2007» Илья Шабров — о своих торговых методах и о том, как сложилась его судьба после конкурса

D'

СВЕЧКИ ЗАЖИГАЮТ

Как найти прибыльные свечные конфигурации и построить на их основе успешную торговую систему

D'

КОЛБАСНИКИ: КРУГ СУЖАЕТСЯ

На российском рынке не так много компаний, производящих колбасные изделия. Интересны акции двух: «Черкизово» и ОМПК. Если первая понравится консервативным инвесторам, то вторая — агрессивным

D'

Александр Механик Преодоление фальсафы

Под философией мы понимаем прежде всего европейскую философию. Понять других мудрецов, например арабских философов, нам мешают особенности языка и культура мировосприятия, считает заместитель директора Института философии РАН Андрей Смирнов

ДАНИИЛ ПРИБИЦ

П

оследнее время и в России, и в Западной Европе стала модной тема провала мультикультурализма. Об этом говорят и рядовые граждане, и лидеры государств.

Возобновились разговоры о столкновении цивилизаций. Никто, однако, не пытается объяснить, в чем, собственно говоря, причины тех проблем, с которыми сталкиваются представители разных культур при взаимном общении. Мы решили обсудить это с человеком, который профессионально занимается вопросами культурного отчуждения и его преодоления на философском уровне, — заместителем директора, заведующим сектором философии исламского мира Института философии РАН членом-корреспондентом РАН **Андреем Смирновым**. Беседу с известным специалистом по мусульманской культуре и философии, автором монографии «Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство» и других многочисленных работ по этой теме мы начали с вопроса, существует ли всемирная философия.

— Де-факто то, что называют всемирной философией, является западной философией. Профессиональный западный философ вряд ли признает, что так называемая восточная философия вообще из себя что-то представляет помимо исторического интереса. Потому что ему трудно увидеть в восточных текстах нечто философское. Как арабист, как человек, занимающийся классической арабской философией, я часто с этим сталкиваюсь.

Свою задачу как философ я вижу в решении вопроса, как мы можем понимать культуру, к которой сами не принадлежим. Его можно сузить: как мы понимаем философию, созданную другой цивилизацией? Универсальна ли философия или она связана с особым для каждой цивилизации типом мышления?

А проблемы возникают уже при переводе текстов. Я перевожу текст и говорю: посмотрите, какие интересные философские ходы. Но специалист по западной философии не видит в этом тексте ничего философского. Потому что текст рассыпается в его восприятии, он не может зацепить его логические ходы.

— *Понятен набор слов, но непонятен смысл?*

— Потому что арабский текст и мышление, использующее арабский язык, устроены по-другому, не так, как мы к тому привыкли. И самое интересное было для меня и для моих коллег (я не один работал над этим вопросом) понять, а что же там такого, что устроено «не так». И как донести философское богатство арабского текста до европейского читателя. В результате занятий классическими текстами арабо-мусульманской культуры я пришел к определенным выводам.

Привычное нам мышление, то мышление, основа которого заложена греками и которое затем развивалось и разрабатывалось всей западной цивилизацией, построено на том, что можно назвать субстанциальным взглядом на мир.

— *Что это значит?*

— Попробуем описать окружающие нас предметы. Стол — коричневый, чашка — белая, лист бумаги — прямоугольный. Вы не можете мне указать на коричневость, белизну, прямоугольность, легкость, умность и прочие качества сами по себе. Они всегда существуют как

КОНСТАНТИН ИВАНОВ

прилепленные к чему-то. То, к чему они прилеплены, и есть субстанция. А эти все качества называются акциденциями, случайными признаками. И весь наш взгляд на мир — это взгляд на некую совокупность качеств, которые существуют не сами по себе, а прилеплены к тому, что мы называем вещами. А под словом «вещь» мы всегда подразумеваем некоторую субстанцию.

На этом стоит европейская философия. И это отражается в нашем языке. Возьмите какой-нибудь ряд слов, которые имеют один и тот же корень. Например, «дом», «домашний», «одомашнивать», «одомашненный». И ответьте на вопрос: какое из этих слов главное? Дом, конечно. Или слово «дерево» — получите ряд «деревянный», «деревенеть», «одеревеневший» и так далее. Так какое слово тут главное? Дерево. То есть вы, как правило, называете главным то слово, которое обозначает субстанцию, слово, к которому лепятся слова, обозначающие его качества. Скажем, домашний — это некоторое качество, которое лепится к дому. Одомашнивать — это некоторое действие, которое приводит вас опять к дому. Так устроено наше понимание слов языка.

А в арабском языке доминирует процессуальный взгляд на мир. Не субстанция подпорка для букета качеств, а процесс, к которому тянутся, к которому естественно примыкают действующие и претерпевающие воздействия. Тогда окружающий нас мир — это собрание процессов. И то, что мы видим в мире, прилепляется к процессу точно так же, как качество прилепляется нами к субстанции.

Лексика, которая связана с процессуальностью, в арабском языке занимает неизмеримо большее место, чем в русском языке. Соответственно, мир видится по-другому, мир выстраивается по-другому и для стихийного языкового сознания, и затем в теоретической рефлексии.

И когда это понимаешь, тогда текст начинает становиться живым, работающим. Это невозможно отразить в переводе так, чтобы читатель просто прочитал русский текст и сразу все понял. Потому что наш язык не процессуальный. Но это можно объяснить.

— *А вы можете привести пример языкового ряда, который бы проиллюстрировал привязанность арабского языка к процессуальности?*

— Например, мы говорим «сидящий» или «сидевший», указывая на настоящее или прошедшее время, на совершенность или несовершенность действия. В арабском же имя действующего (оно соответствует русскому причастию) не указывает на время. Также и имя претерпевающего. А также и имя самого процесса. Эта тройка: имя действующего, имя претерпевающего и процесс, стягивающий их воедино, в арабском языке вынесены из потока времени, не указывают на временные изменения.

Одна из стандартных ошибок при переводе с русского на арабский, когда берут русскую фразу, предположим, «Я хочу пойти в кино», и так и переводят ее на арабский, используя местоимение «я» и глагол «ходить». Это будет правильно, но сам араб сказал бы по-другому — «Я хочу хождение в кино», употребив «хождение» как имя процесса. Или же по-русски мы скажем: «Я хочу сесть». А по-арабски надо сказать: «Я хочу сидение», опять употребив имя процесса. И так далее.

Эта процессуальная лексика, оказывается, предпочтительнее для арабского

языка и для хорошего арабского стиля, нежели глагольная и субстанциальная лексика. Мышление, использующее этот язык, может фиксировать мир как процесс, может видеть основание устойчивости мира в процессе — то, что со времен греков мы считаем невозможным, связывая процесс с протеканием во времени, а значит, с неустойчивостью. А здесь, напротив, устойчивость может быть найдена именно как процессуальная. Это задает совершенно иное направление философскому и научному мышлению, и это объясняет, почему мы испытываем некоторое ощущение странности, когда всерьез вчитываемся в тексты, созданные таким мышлением.

Возьмем для примера вопрос о понимании человека и человеческого совершенства. Мы привыкли к тому, что человек состоит из души и тела. Мы привыкли к тому, что душа — это то, что составляет собственно человека, это его сущность. В самом деле, не тело же сущность человека? И хорошо устроенная культура, в нашем понимании, направлена к тому, чтобы совершенствовать в первую очередь душу. Например, мы говорим, что человек должен стремиться к тому, чтобы воспарить душой над повседневностью, прикоснуться к нетленному и прочее. А в арабской культуре,

которая тоже отлично знает, что человек состоит из души и тела, оказывается, что душа не является более важной в таком смысле. Оказывается, что тело и душа — это равно важные вещи. Если душа окажется прекрасна, а тело забыто, получишь уродство, а не совершенство. Оказывается, что человек (и это находит подтверждение в текстах) понимается как некоторый процесс, процессуальность, которая связывает душу и тело как внутреннее и внешнее, как активное и пассивное. И совершенство состоит в том, чтобы процесс состоялся, а для этого обе стороны должны иметься, и они должны соответствовать друг другу. Отсюда совершенно другой взгляд на телесность, на совершенство, на человеческие цели. Но когда мы смотрим на проявления арабской культуры глазами нашей культуры, впитавшей опыт античности и христианства, мы не можем не ожидать акцентировки на душе в том или ином виде. А если мы этого не встречаем, мы совершенно спонтанно делаем вывод: раз нет внимания к душе, наверное, здесь предпочитается тело, а значит... Дальше каждый может продолжить сам, дальше целый спектр суждений о «неправильности» исламского взгляда на человека. Пресловутая политкорректность заставляет такие представления прятать, но они от этого не исчезают, а лишь уходят в тень и оказывают свое подспудное воз-

действие, поскольку их основание, их причина никуда не делись. Их основание в конечном счете — мировоззренческий зазор между субстанциальным и процессуальным взглядами на мир.

А ведь при взгляде на христианскую культуру со стороны исламской происходят схожие вещи. Известнейший суфий Ибн Араби, развивший теорию абсолютной веротерпимости (для него нет неистинных религий, потому что нельзя поклоняться никому, кроме единого Бога, проявленного во всем мире), с откровенным непониманием пишет о практике христианского монашества. То, что в христианстве считается предвестием райской жизни, с точки зрения этого автора оказывается противоположным, и для него трудно представить, что Бог может требовать такое от своих детей. Оказывается, разные культуры даже на таком совсем простом уровне плохо понимают друг друга.

— **И как преодолеть этот разрыв?**

— Прежде всего его надо осознать. Всемирная философия, о которой мы начали говорить, будет действительно всемирной, если это будет философия, которая сможет понять, как устроено сознание в своих разных проявлениях. Движение к всемирной философии — это движение не по пути политкорректности, когда на словах мы признаем, что все философии одинаково ценные,

а на самом деле прекрасно знаем, что подлинное значение имеет только западная философия. Путь к всемирной философии лежит через усилие понять и показать, что есть такого в западных философиях, что имеет не просто исторический интерес, а настоятельно необходимо для современной философии, если она хочет ответить на свой главный вопрос: как устроено наше сознание? Ведь опыт других культур показывает нам, что мышление может быть устроено не так, как наше. И в этом бесценный смысл этих культур.

Но осмысление чужой традиции невозможно исключительно средствами собственной. Для такого осмысления требуется логически корректный язык — такой, который стоял бы в равном отношении к основаниям процессов смыслообразования, развитых и собственной, и чужими традициями. Что касается средств осмысления (в самом широком смысле — осмысления мироздания, универсума, чужих традиций мысли), которые предоставляет нам наша традиция, то они принципиально недостаточны для вполне корректной и ненасильственной интерпретации чужой традиции. Если философия — это поиск возможности осмысления, придания смысла вещам, «делания» смысла, как метко выражается английская идиома, — то мы еще не обладаем средствами универсального

Действительно всемирной философией может быть лишь та, для которой никакая из чужих традиций не является чуждой

ДЕНИС ПРИБАК

ность. Это можно очень интересно показать на уровне лексического анализа.

Вместе с тем представители фальсафы были раскиданы по всему исламскому миру. Эта мудрость вошла в систему образования. Тот, кто получал исламское образование, сначала учился читать и писать на основе Корана, затем исследовал Сунну, потом комплекс исламских наук: хадисоведение, корановедение, право и так далее. А потом, если человек хотел, он изучал фальсафу. Но вот что важно понимать. Исламская культура приняла и восприняла греческую мудрость не как реальную историю философии с борьбой идей, с разными школами, с разными подходами. Для нее это была скорее некая единая система, которая, будучи уже совершенной, не предполагала существенного развития. И в этом смысле это не была философия в собственном смысле. Потому что она не предполагала задавания вопросов и споров, разве что по второстепенным вопросам. Она давала готовые, красивые и убедительно сформулированные ответы. Поэтому она была так популярна.

И вот что еще важно понимать: кроме воспроизведения и комментирования греческих авторов представители фальсафы разрабатывали и собственные учения, далекие от аристотелизма. Возьмите аль-Фараби и Ибн Сину и их интереснейшую разработку вопроса об интуиции как особом источнике знания, который не сводится ни к какому другому. Как мы знаем свое «я»? Неужели из каких-то внешних источников, неужели нам нужен некий инструмент вроде логики или органов чувств, чтобы постичь собственное «я»? Гораздо позже Декарт говорил нечто отдаленно схожее, и к его позиции современная западная мысль до сих пор возвращается как к одному из своих начал. А возьмите Сухраварди, основателя ишракизма, или философии озарения, которая до сих пор является, уже в преобразованном виде, главенствующей философско-идеологической школой в Иране. Он погиб в тюрьме совсем молодым, но успел написать несколько перипатетических сочинений абсолютно в духе этой школы. И одновременно написал сочинение с красивым названи-

ем «Мудрость озарения», которое заложило основу его собственной философской школы, где он камня на камне не оставляет от воззрений перипатетиков. Ранний ишракизм в его Сухравардиевой редакции — это грандиозная попытка выстроить понимание мира как света и светоносности. Но почему же он прежде написал совсем другие сочинения, как он сам говорил, «на манер перипатетиков», основания философии которых он не принял? Смотрите, какой интересный ответ он дает: потому что эта философия очень простая и легко усваиваемая, она хорошо приспособлена для целей преподавания (не забудем, что преподавание служило в те времена и источником заработка).

Если человек не хотел ломать голову над хитроумными построениями ранних арабских философов, которые к тому же вечно спорили между собой, то ему очень просто принять аристотелевскую картину мира. Он может написать очень красивое, говоря современным языком, эссе, блеснуть в беседе красивым стилем. Эту функцию аристотелизма в исламском мире тоже нельзя сбрасывать со счетов: владение арсеналом фальсафы придавало интеллектуальный лоск.

Вместе с тем зазор между греческим наследием и потребностями собственной арабо-исламской культуры, безусловно, имел место. Аристотелевская «Поэтика» была переведена на арабский и широко комментировалась. Но когда арабские философы попытались применить аристотелевскую поэтику к собственной поэзии, ничего толком не вышло. И им пришлось развить собственную поэтику, очень мощную, очень интересную, но не аристотелевскую. А аристотелевская продолжала существовать в рамках фальсафы, которая всю эту греческую премудрость передала Европе. То же и этика: собственно исламская этика и традиция этических трактатов, восходящая к переводам Аристотеля, существуют как будто параллельно, не пересекаясь и почти не влияя друг на друга. И дело совсем не в том, что Аристотель не исламский мыслитель (в классические времена на это просто не обращали внимания), а в том, что он подходит к человеку субстанциально, рассматривая его добродетели и пороки. А исламский взгляд — процессуальный, тут главное — поступок как процесс связи внутреннего (намерение) и внешнего (физическое действие).

— *Один молодой российский философ, получивший образование на Западе, сказал мне о русской философии примерно то, что вы говорили о восприятии западным человеком восточной философии. Что русской философии*

осмысления. Действительно всемирной философией может быть лишь та, для которой никакая из чужих традиций не является чуждой. Однако сама возможность преодоления чуждости чужого еще остается под вопросом, а выработка подобной процедуры — интереснейшей проблемой, ждущей своего решения.

— *Но каким образом при таком различии мировосприятия классическая исламская культура восприняла древнегреческую философию, в частности Аристотеля, сохранила и даже передала средневековой Европе?*

— Исламский аристотелизм, который был представлен школой фальсафа («фальсафа» — это арабская калька греческого слова «философия»), имел значительное распространение и влияние в первую очередь в иранском мире. Это не значит, что арабы не имели отношения к развитию фальсафы; но если бы не неарабские исламские народы, и прежде всего иранцы, сама судьба аристотелизма в арабском мире была бы, наверное, другой. А иранцы — носители другой языковой картины мира, и это тоже многое объясняет.

Очень интересно сравнить тексты, написанные в классическую эпоху иранцами на арабском, с текстами, написанными самими арабами. Это разные тексты. В первом случае доминирует субстанциальность, во втором — процессуаль-

нет, потому что то, что традиционно называют русской философией, не укладывается в систему, которая разработана западной философией. А советская философия просто была профанацией. Вот почему русскую философию надо создавать заново.

— Иногда такие высказывания вызваны конъюнктурой, а иногда — таким чаадаевским отчаянием: что у нас есть такого, что было бы интересно всему мировому философскому сообществу? Так проявляется наше представление о нашей исключительности: то мы лучше всего мира, то непременно хуже всех. Но в любом случае исключительные.

Я думаю, что суть русской философии конца XIX — начала XX века выражена знаменитой формулой Достоевского: стоит ли слеза ребенка всех благ мира? Иначе говоря, не может быть так, чтобы гармония была не целостной. Эта идея целостности, мне кажется, была в центре русской философии — и в этическом смысле, и в эстетическом смысле, и в онтологическом смысле. Например, это очень глубокая и совершенно недооцененная у нас идея всечеловеческого (а не общечеловеческого — это совершенно разные вещи!) Данилевского. Это всеединство Соловьева, философия общего дела Федорова и многое другое. Везде тут целостность — главное.

Но не забудем, что исторически, до 1917 года, учителем жизни в России был скорее не философ, а философствующий литератор. Не по ведомству философии проходило и старчество, пользовавшееся большим духовным авторитетом. Не забудем и то, что для православия с византийских времен характерна не столько рационалистическая тенденция, как для католической теологии, сколько мистическая. Хотя, конечно, если смотреть на тексты русских философов профессиональным философским западным взглядом, то они действительно не укладываются в схематику классической западной философии. Ну и что из этого?

А в советское время было два типа философских текстов. Была официозная псевдофилософия. Но была и хорошая марксистская философия. Маркс ведь большой философ и до сих пор один из наиболее цитируемых авторов. И 60-е годы прошли под знаком поиска подлинного понимания марксизма. А там, где марксизм, там и Гегель. Потому что гегельянство — это подход к марксизму. Отсюда изучение идеального, по Гегелю, и развитие этого направления. Это — тема работ Ильенкова и его коллег. Сюда же встраивался деятельностный подход, который у нас развивался и в философии, и в психологии — вспомним Щедровицкого и его коллег и друзей.

Проблема заключается в том, что мы на каждом историческом повороте все с корнем выдираем и выкидываем, как будто стремимся все забыть и начать жить с чистого листа. Этакое нетерпение. Так было при Петре, так было в 1917-м и в 1991-м. Но задумайтесь: если можно так легко выдрать и выкинуть, значит, корней-то нет. А ведь философия не создается декретом. Это то, что создается очень долго. Пора всерьез отнестись и к самим себе, и к своему наследию.

У нас любят находить пример для подражания и сравнивать себя с ним, вечно страдая от своего несоответствия идеалу. Но давайте пойдем: чтобы быть как Запад, надо не быть как Запад. Запад стал тем, чем он стал, только потому, что он не следовал ничьему примеру и не снимал ни с кого мерку, а имел мужество верить в себя и найти в самом себе основания творческого развития. И долгое время проигрывая, в том числе тому же исламскому миру, смог выйти вперед. Но ведь это случилось куда как не сразу.

— Почему философы на Западе становятся крупными общественными фигурами, творцами общественного мнения? Причем они подчас активные члены политических партий, идеологию которых формируют. Более того, на Западе есть регулярные радиопередачи с философами. И люди слушают.

— Философия черпает фундаментальные идеи из жизни нации. Если у философии нет идей, значит, их нет у нации. То, что философия в сегодняшней России плохо воспринимается обществом, — это трагедия не столько для философии, сколько для нации.

Участие философа или интеллектуала в осмыслении судеб страны — это двусторонний процесс. Не только философ должен захотеть обратиться к гражданам, граждане тоже должны захотеть воспринять мысли философа. Может быть, и у нас, если бы мы имели лет 100–150 нормального, недерганого развития, философия вышла бы на первые роли в формировании общественного сознания. Но случилось то, что случилось. В советское время псевдофилософия стала навязываться всем, и, естественно, всеми отвергалась. Алюди, которые принимают решения в России, это зачастую те люди, которые выросли в советское время, и они нередко по-прежнему под философией понимают то, что им вдалбливали и что никакого отношения к философии не имеет.

Не так давно, когда готовили один из учебников из цикла по основам религиозных культур под названием «Светская этика», его дали писать профессиональному этику. Он и создал его профессионально. В самом деле, как вы можете писать про

этику, не упоминая имени Аристотеля? А в министерстве категорически сказали, что нельзя ни Аристотеля, ни Канта, потому что детям это, мол, недоступно. При том что на Западе есть давно движение «Философия для детей», где разработаны методики преподавания философии чуть ли не с детского сада. И у нас тоже есть это движение. Есть и наши книги — «Философия для детей» Юлиной.

— А как вы оцениваете саму идею преподавания основ религиозной культуры в школе?

— Само словосочетание «религиозная культура» по отношению к этим учебникам — лукавство: это учебники религиозной доктрины, а вовсе не культуры. Там есть религиозная доктрина, которая навязывается довольно агрессивно. А вероучение и культура — совсем не одно и то же. К сожалению, эти учебники были подготовлены без всякой научной экспертизы. Но когда они попали в издательство «Просвещение», издательство заказало собственную экспертизу ученым. И я писал отзыв на модуль по исламу. Претензия к нему очень простая, как и ко всем «религиозным» модулям — по христианству, исламу, буддизму, иудаизму: они все написаны как миссионерские. Они и не могли быть иначе написаны, потому что их отдали писать в конфессии. Видимо, в голове у тех, кто все это придумал, была идея, что раз у нас идеологический вакуум — старая идеология рухнула, а новую не придумали, — то давайте двинем в массы испытанную религиозную идеологию.

Но человек должен приходить к вере сам, а вовсе не на уроках религиозного воспитания в школе. Навязывание религии приведет к противоположным результатам. Неужели двадцати лет было довольно, чтобы все забыли, как воспринималась советская идеология, тотально навязываемая всем жителям страны? А ведь система советской пропаганды была прекрасно отстроена и налажена. А эффект — нулевой, если не обратный: в 91-м все рухнуло так быстро, как будто ни на что и не опиралось. Боюсь, то же ждет и навязываемую религиозную идеологию. Это приведет только к появлению новых атеистов и безбожников, то есть к обратному результату.

О несуразностях этого курса можно говорить много. Но давайте скажем о главном: нельзя разделять детей в классе, во-первых, на верующих и неверующих, а во-вторых, по признаку исповедуемой религии. Мы хотим уже в школе внедрять в детские души идею разделения по религиозному признаку? Мне представляется, что это очень серьезная ошибка, которую пока еще не поздно исправить.